
Г.Г. Татарова
(Москва)

РОССИЙСКАЯ «ЧЕТЫРЕХЭМНАЯ» ОБЛАСТЬ: К 20-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА

В статье анализируется роль журнала «Социология: методология, методы, математическое моделирование» в поле отечественной социологической науки в связи с 20-летним юбилеем его существования. Ставятся актуальные, но не актуализированные в социологическом сообществе вопросы, связанные с интеграцией методологического знания. Вводится понятие «методологическая травма», предлагается основание классификации методов.

Ключевые слова: эмпирическая социология, методологическая толерантность, профессиональные болезни, методологическая травма, интеграция знания, классификация методов.

Постановка исследовательской задачи

В лавинообразно растущем объеме выпускаемой печатной продукции по социологии доля работ теоретико-методического характера крайне мала. В этой ситуации для анализа отечественных научных достижений в «*четырёхэмной*» области и для выделения проблемных полей в развитии методологического знания материалы, опубликованные в журнале «Социология: методология, методы, математическое моделирование»¹ за 20-летний период

Галина Галеевна Татарова – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН. E-mail: tatarova-gg@rambler.ru.

¹ До 2007 г. (до № 24) выходил в свет под названием «Социология: методология, методы, математические модели».

его существования, достаточно информативны. Первый номер журнала вышел в свет в 1991 г. и 20-летний этап завершился выходом 31-го тома (при их сплошной нумерации). Артикуляция политики редакционного совета журнала в контексте краткого отчета о проделанной работе и определенного осмысления ситуации в «*четырёхэтной*» области в нашем отечестве, возможно, будет небезынтересна научной общественности¹. Принципы нашей работы были не вполне традиционными для научного периодического издания в связи со спецификой российского социологического сообщества, что и детерминировало редакционную политику журнала.

В статье не только ставится задача описать, что удалось сделать за эти годы и как их «проживал» журнал, но и желание указать на «болевые» точки тематических областей, обозначенных в названии журнала, и более того – предложить авторское видение одного из актуальных, но не актуализированных в современных реалиях направлений развития методологического знания.

Как возник журнал и что удалось сделать

Замысел создания журнала вовсе не состоял только в том, чтобы внедрять элементарную методологическую грамотность – это непеременные функции каждого профессионального издания. Инициаторы были вдохновлены идеей создания *первого в России* методически направленного профессионального журнала. В 1990 г., когда родилась эта идея, существовал всего лишь один профессионально ориентированный научный журнал – «Социологические исследе-

---

¹ Своеобразие стиля изложения в статье связано с тем, что я по собственному желанию прекращаю исполнять роль главного редактора журнала. По решению Ученого совета Института социологии РАН главным редактором утверждена Инна Феликсовна Девятко – доктор социологических наук, профессор, отечественный методолог широкого профиля. Надеюсь, что новый состав редакционного совета не только сохранит сложившиеся традиции, но и преумножит достигнутое.

дования». Желание помочь отечественным исследователям без специального социологического образования и, соответственно, поднять уровень методологической культуры до лучших международных образцов и, если получится, превзойти их – таковы были целевые установки инициаторов. Эти установки опирались на реалии в виде существующих крупных методических подразделений в академических институтах и научно-исследовательских групп в вузах. За все прошедшие годы трансформационные процессы в России, к сожалению, не только не способствовали эволюционному развитию «*четырёхэмной*» области, но и, более того – привели к исчезновению крупных подразделений методического профиля (в академических институтах), к финансовым трудностям институтов РАН, учредивших журнал (до 2002 г. он выходил всего раз в год).

Существование научной почвы для создания журнала наглядно иллюстрируют материалы теоретико-аналитического обзора, приведенного в такой фундаментальной работе, как «Социология в России» [1; 2]. В самом деле, по отдельным направлениям «*четырёхэмной*» области у нас были серьезные наработки. Прежде всего они относились к методам математического анализа социологических данных.

Инициативу по созданию журнала проявили сотрудники Института социологии РАН – Ю.Н. Толстова, В.Б. Ковчegov, Г.Г. Татарова. Она была поддержана директором ИС РАН В.А. Ядовым, а также Ю.Н. Гаврильцом (зав. лабораторией математической социологии Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) РАН), что и определило учредителей журнала – два академических института и Российское общество социологов (РОС).

Разумеется, не все идеи, изначально сформулированные инициаторами создания журнала, удалось реализовать. Не все опубликованные материалы оказались одинаково высокого уровня качества. Вместе с тем исходную предпосылку – *Не позволим отечественной социологии превратиться в поверхностную науку*

с ярко выраженной фракционной доминантой! – мы пытались воплотить в жизнь, и она определяла смысл существования журнала.

За эти годы удалось добиться того, что журнал принят научным сообществом как «продукция» высокого уровня качества, и занял свою нишу в ряду других научных периодических изданий социологической направленности. Пройдя трудный путь становления и не менее трудный – «проживания», журнал регулярно (два раза в год) выходит в свет тиражом в 500 экз.¹ На него проводится подписка, он входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Экземпляры журнала бесплатно рассылаются по библиотекам российских вузов (от Москвы до Магадана), выпускающих социологов, полновесные тексты постепенно выкладываются на сайт ИС РАН.

С одной стороны, многие социологи-практики, так же как и В.А. Ядова – наш первый главный редактор – в своих размышлениях по случаю 15-го юбилея журнала [3], считают, что журнал предназначен лишь для «социологической элиты». С другой стороны, даже поверхностный анализ публикаций, особенно последних пяти лет, иллюстрирует не только расширение предметных теоретико-методических полей, но и повышение уровня «читабельности» материалов для социологов-практиков, включая даже статьи по математическому моделированию (в части постановки исследовательских задач).

За 20 лет было опубликовано 267 статей (см. табл. 1). Возникает вопрос: как оценить этот объем? Количественные оценки

---

¹ Это стало возможным благодаря финансовой поддержке научно-исследовательского центра «Демоскоп», которая осуществляется регулярно с 2002 г. (с № 15). Справедливости ради следует отметить, что иногда РОС оказывал финансовую помощь. ЦЭМИ РАН практически не принимал участие в издании журнала и в связи с этим журнал является изданием ИС РАН.

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТЕЙ (за 1991-2010 гг.) ПО
НАПРАВЛЕНИЯМ¹

Направления	Число статей
Общие вопросы методологии и методов исследований ²	47
Теория и история методов	20
Измерение: методы и практики	20
Формализованные данные: методы и практики многомерного анализа	26
Практики сбора и анализа формализованных данных	20
Неформализованные данные: методы сбора и анализа	37
Методический эксперимент, тестирование вопросов	6
Онлайн-опросы	3
«Полевые» проблемы социолога	12
Математическое моделирование	36
Информационное и программное обеспечение	2
Консультации	14
Проблемы социологического образования	9
Научная жизнь	15
Всего	267

¹ Считаю целесообразным не следовать рубрикам журнала, а предлагаем систематизировать статьи по несколько другому основанию. Отнесение статьи к «направлению» происходит по доминирующему в ней «инструментальному контексту». Список статей по этим направлениям предлагается в этом же номере журнала.

² Статьи, отнесенные именно к этой рубрике, наиболее неоднородны по проблематике.

здесь вряд ли уместны. Хотя можно говорить и о том, что для единственного методически направленного журнала в России это крайне мало и потому необходимо увеличить число выпусков в год, и т.д. Но в наших реалиях это невозможно с учетом специфики «*проживания*» отечественного социологического сообщества. Несмотря на наличие спонсоров, позволительно сказать: *журнал выживал не благодаря... а вопреки.*

Важно подчеркнуть, что опираясь на эту статистику можно судить о *проблемных полях* социологической методологии как области знаний, где научная рефлексия практически не представлена. Отсутствуют статьи по проблемам формирования выборки (кроме одной по онлайн-опросам), по методной триангуляции и т.д. Несмотря на то что такие разделы, как «Консультации», «Проблемы социологического образования» были представлены на страницах журнала, они занимают не тот объем, как того хотелось бы. Если обратиться к разделу «Общие вопросы методологии и методов исследований», то вторичный анализ опубликованных материалов позволяет сделать важный вывод: базовой спецификой состояния «*четырёхэтной*» области следует признать практическое отсутствие рефлексии о таких *объяснительных концептуальных* моделях, которые доведены не только до их эмпирической интерпретации, но и верификации.

О политике журнала

Совокупность проблем из области методологии и методов, изучаемая и разрабатываемая отечественными исследователями, не столь обширна, как того хотелось бы. Мы сильно отстаем от зарубежных коллег, несмотря на то что количество журналов социологического профиля неуклонно растет и в них немалая доля материалов, которые можно отнести и к проблематике «*четырёхэтной*» области. В связи с этим ориентация на *поиск* и публикацию материалов, в которых содержится научная рефлекс-

сия об инструментальных средствах, а также *оказание помощи* в подготовке статей (большинство авторов ее получали) были основными элементами политики журнала. Практически это сводилось к следующим видам деятельности.

Поиск соответствующих тематике журнала материалов, включая написанных специалистами из смежных с социологией областей. Эта деятельность обусловлена вовсе не пустотой редакционного портфеля, как может показаться читателям, а отсутствием в нем статей актуальных как по оригинальности постановки исследовательских задач, так и по характеру их решения. Одна модальная группа потенциальных авторов скорее озабочена социальными, чем социологическими проблемами (если под ними понимать чисто профессиональную рефлексию о способах изучения социальных проблем), а другая – наоборот, увлечена методами и моделями вне должной рефлексии о социальных проблемах.

Создание своего рода открытого «сообщества авторов». По сути, речь идет об объединении вокруг журнала исследователей, методически мыслящих, вне зависимости от тех проблемных полей, на которых они работают. В процессе подготовки материалов к публикации часто приходилось организовывать для авторов консультации специалистов.

Подготовка статей заказного характера, т.е. привлечение известных в «четырёхэмной» области специалистов. К этой деятельности относится и организация рубрики «Консультации». К сожалению, в нашем отечестве социологи-практики не проявляли особого интереса к методическому знанию. Методическая рефлексия – красивый бантик на «теле» социологического исследования. Методологов и методистов у нас недопустимо мало, а отсюда и заказной характер ряда материалов.

Активный поиск молодых талантливых авторов. Эта деятельность включает в себя важный элемент – работу над рукописью совместно с авторами. Иногда это приводило к рождению новой статьи.

Число итераций в процессе подготовки статьи оказывалось достаточно большим и, соответственно, требовало огромных усилий.

Интерактивный характер работы над рукописью, что также в ряде случаев приводило к рождению новой статьи (даже талантливые авторы в ряде случаев не умели аннотировать свое творчество и выстраивать логику изложения).

В целом можно утверждать, что в поле социологической науки журнал выполнял несколько ролей: *координирующую, формирующую специалистов, а также читательскую аудиторию, консультирующую, пропагандирующую методологическую толерантность.*

Для выполнения этих ролей необходимо придерживаться определенных принципов. Одни из них относились к процессу формирования номера, другие – к принятию решения о публикации того или иного материала.

Первую группу составляют следующие принципы: методологическая толерантность редакционного совета, широта охвата исследовательских практик, региональная представительность, необходимость сбалансировать материалы из разных сфер методологии.

Вторая группа принципов – требования к рукописям: методологическая толерантность автора, высокий уровень «четырёхмного» компонента, прозрачная постановка исследовательской задачи, четкая логика изложения, *смысловая чувствительность* используемых понятий, практическая целесообразность предлагаемых постановок задач.

Остановимся лишь на принципе *методологической толерантности* и его актуальности именно для отечественной социологии. Этот концепт имеет несколько коннотаций. Страницы журнала иллюстрируют все эти смыслы и особенно важны в сфере профессионального социологического образования. По нашим сведениям (включая и имеющиеся письменные отклики) именно преподаватели дисциплин методического профиля сделались постоянными читателями нашего журнала. Это – основная по численности груп-

па читателей и, если спросить, почему это так, то можно ответить, что, во-первых, по причине отражения на страницах нашего журнала материалов, охватывающих самые разные пласты методологического знания и исследовательские практики различной методологической направленности: от автоэтнографии до математического моделирования «власти», от теории нарративного анализа до тонкостей регрессионного анализа, от «профессионального выгорания в поле» до метода неоконченных предложений. Во-вторых, в силу наличия материалов о достижениях в области методологии и методов, которые не нашли отражения в литературе учебного характера. В-третьих, за счет существования рубрики «Консультации».

Ярким примером, иллюстрирующим следование принципу методологической толерантности, может послужить публикация статей, авторы которых придерживаются противоположных исследовательских ориентаций. Прежде всего речь идет о проблематике, связанной с соотношением так называемых качественной и количественной стратегий (методологий, методов) проведения социологических исследований, так как относительное противостояние этих стратегий – нормально и естественно в социологии. Корни этого лежат в существовании «*эпистемологической дилеммы*» [4; 5], т. е. такой ситуации, когда социолог стоит перед выбором альтернативы (Дж. Александер): «В одном случае знание о мире не зависит от социальной позиции и интеллектуальных запросов познающего субъекта, и тогда общая теория и универсальное знание существуют; в другом – знание оказывает воздействие на его отношение к познающему субъекту, и в результате возможно только релятивистское и партикуляристское знание» [4, с. 168]. Дж. Александер предупреждает исследователей об опасности существования такой дилеммы и предлагает идею поиска «*присутствующего разума*» при рассмотрении современной ситуации с состоянием общей социологической теории. Этой идеей можно воспользоваться и для артикуляции актуальных проблем развития «*четырёхэмной*» области.

Итак, принцип методологической толерантности сыграл важную роль в «проживании» нашего журнала. Из него мы и исходили при формировании портфеля и подготовке к публикации рукописей, в которых были представлены и микро-, и макроуровни описания и объяснения изучаемых феноменов; данные об индивиде и как о социальном типе, и как о носителе информации о социальном типе; интерпретации и числовых, и нечисловых данных; примеры конструирования и эмпирических индикаторов, и более сложных измерений; выводы и локального, и глобального (если иметь в виду их распространение на крупные социальные общности) характера.

Актуальные, но не актуализированные проблемы

Глубокий анализ состояния «четырёхэтной» области не входит в наши задачи. Отметим лишь, что информационную базу такого анализа, кроме опубликованного в нашем журнале, могут составить, например, и материалы III Всероссийского социологического конгресса, и отклики методологов на его работу [6], и в определенной мере материалы дискуссии о социологии (в настоящее время она продолжается на сайте РОС [7]). Очевидно, что состояние теоретического социологического знания в большей степени, чем *инструментального* вызывает интерес исследователей, а в ряде случаев и озабоченность¹. Предметом озабоченности стали также и состояние самого социологического сообщества [13; 14; 15], и математизация социологии², и ее отсутствие³. Однако все еще вне обсуждения остаются вопросы, которые возникают в

---

¹ Публикаций на эту тему достаточно много (особенно на страницах журнала «Социологические исследования») и потому сошлемся только на некоторые [8; 9; 10; 11; 12].

² Например, статья Ю. В. Качанова «Математическая социология: факультет ненужных вещей» [7].

³ См.: статьи А.А. Давыдова, А.И. Орлова, Ю.Н. Толстовой, Ю.Н. Гаврильца и др. [7].

контексте базовой функции социологии – *причинного объяснения* социальных явлений и процессов.

Для выполнения такой функции необходимы как теории с высоким объясняющим потенциалом, так и способы их эмпирической верификации. Естественным образом возникает ряд вопросов. Перманентное дробление социологии привело ли к появлению такого рода теорий? Если такие теории существуют, то как осуществляется их верификация? Существуют ли теории, которые носят *аксиоматический* характер, и тогда вопрос об их верификации в принципе некорректен? В каком направлении возможно развитие методологического знания с целью обеспечения теорий инструментальными средствами, адекватными задачам верификации?

Попытка найти ответы на эти вопросы в литературе приводят к следующим выводам: во-первых, научная рефлексия по поводу прироста знаний невозможна без оценки состояния в России социологического сообщества как особой социальной реальности, во-вторых, существуют специфические *«профессиональные болезни»*, с которыми необходимо бороться. Например, среди актуальных проблем, если судить по циклу статей, представленных на сайте Института социологии [16], они не значатся.

Профессиональные болезни – это проблемы «внутрицеховые», но о них в последние годы стали говорить чаще, чем о *«социологическом невежестве»* общества [17] и власти. Их существование стало серьезным тормозом на пути прироста знания. Например, А.В.Тихонов, опираясь на результаты массового опроса социологов, проведенного до и после III Всероссийского социологического конгресса, предлагает, в частности, изменить характер научной коммуникации на основе актуализации традиционных для отечественной социологии проблем изучения социальной стратификации и социального неравенства [13; 14]. В.В. Радаев, разработав позитивную программу борьбы с «профессиональными болезнями», подчеркивает необходимость усиления контроля

качества научной продукции и повышения профессионализма всех без исключения типов исследователей [15].

Все профессиональные болезни можно разделить на отдельные группы в зависимости от способов борьбы с ними и от доминирующих источников их возникновения, например:

группа 1: мелкотемье; неудовлетворительный характер научной коммуникации; дистанцированность от социологических проблем при изучении социальных, и наоборот: от социальных при изучении профессиональных; мода на проблемные поля (по социологии образования на конгресс было подано наибольшее число (137) тезисов) [13]; постановка *проблем-искушений* (претензия на глубокие обобщения без соответствующего эмпирического обоснования, «мировоззренческая интерпретация» результатов локальных исследований);

группа 2: описательный характер существующего теоретического знания; полипарадигмальность как интеллектуальная мода и ее иллюзорность на эмпирическом уровне; слабая связанность теоретической объяснительной модели изучаемых в эмпирических исследованиях социальных процессов с инструментарием (особо наглядны в этом смысле диссертации по социологии); потеря смысловой чувствительности понятий (понятийный анархизм);

группа 3: отсутствие методологической толерантности; методологическая травмированность; мода на методы и методологии; уход в локальность, нередко приводящий к описаниям (качественным или количественным – это неважно) без глубоких обобщений и ссылкой в одном случае на «*мир такой, каким мы его видим*», в другом на «*мир такой, каким хочется его видеть*»; распространение «*логики кнопочного моделирования*»; недоиспользование ресурса проведенных социологических исследований.

Оптимизм В.А. Ядова [18] и его надежды на талантливую молодежь в деле изменения качества социологического сообщества и выдаваемого им научного «продукта» в России могут и не оправдаться, ибо процессы, направленные на развитие социоло-

гии, должны быть когерентными. Без согласованного их протекание во времени, вряд ли возможно достичь желаемого результата. Среди таких процессов и те, которые связаны с «*четырёхэмной*» областью, специфика которой в современных условиях – амбивалентность факторов ее развития [19], что и послужило одной из причин *методологической травмированности*.

Это понятие было введено нами для обозначения ситуации *растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов и в процессе принятия решений о выборе инструментальных средств познавательной деятельности*. Методологическая травма – это разновидность культурной травмы, специфическим образом проявляющейся в социологическом обществе¹. На индивидуальном уровне исследователи испытывают ее в разной степени, включая и ситуацию «не испытывают», если исходить из субъективных представлений. В любом случае она носит латентный характер и на уровне вербального поведения редко артикулируется. Для наших целей важен коллективный и исторический уровни (по терминологии П. Штомпки). С последним из этих уровней соотносится и теория травмы, активно разрабатываемая с позиции информационного взрыва и травмы постмодерна [21]. В этом смысле методологическая травма – психологический феномен, связанный с пониженной смысловой чувствительностью (*человек не успевает за человечеством, социолог не успевает за социологией*).

Методологическая травма проявляется, например, в понятийном релятивизме, и в изящном жонглировании понятиями, где иногда теряется смысл оппозиции «означающее – означаемое», и в методологическом анархизме. Российские социологи, проводящие эмпирические исследования, испытывают более глубокую

---

¹ Например, П. Штомпка выделяет три уровня культурной травмы: индивидуальные биографии, коллективные (утрата групповой идентичности), исторические травмы [20, с. 477]. Последняя разновидность соотносится с ситуацией, когда травме подвергаются целые сообщества (от этнических групп до человечества в целом).

методологическую травму. Этот феномен приходилось наблюдать в разных ситуациях: в процессе 20-летней работы с авторами нашего журнала, при проведении методических консультаций и чтении лекций; в выступлениях участников социологических форумов разного уровня, в ходе лейтмотивных интервью со слушателями секции «Методология и методы социологических исследований» (Центр повышения квалификации преподавателей вузов, Российский университет дружбы народов, апрель 2004 г.).

Артикуляция «травмированности» целесообразна для целей лечения профессиональных болезней и согласуется с идеями о необходимости «инвентаризации» накопленного (социальных проблем, знаний, данных) [22], интеграции социологического общества [13; 14], *интеграции* знания. Что касается последнего, то эта проблема возникает и в «*четырёхэмной*» области, поднимая актуальные, но не *актуализированные* в социологическом сообществе вопросы. Вот некоторые из них.

1. Можно ли ввести основания классификации инструментальных средств социологического познания, достаточно конструктивные для интеграции знания?

2. Существуют ли понятия-инварианты относительно различных классов исследовательских практик?

3. Необходимо ли рефлексивное отношение к понятиям: расширительная трактовка одних (например, «*социологическую репрезентативность*» понимать не только в традиционном статистическом смысле), сужение других? Необходим ли возврат к «старым» понятиям (например, причинное объяснение, язык социологического исследования)?

4. Возможно ли взаимопроникновение понятий (например, система, многомерность, многоуровневое кодирование, триангуляция) из одной методологии в другую?

5. Имеет ли смысл в современных реалиях представление о структуре «языка социологического исследования» как о системе рядоположенных и вложенных друг в друга подсистем? Практи-

чески речь идет о логической цепочке вопросов: «Что изучать? Для достижения, каких целей изучать? Где и при каких условиях изучать? С помощью, каких средств изучать?». Эти вопросы, возникая в разной последовательности и тем самым определяя тип социологического исследования, позволяют создать его архитектуру.

5. Возможна ли интеграция знания параллельно на различных полях «четырёхэмной» области?

На все эти вопросы можно дать утвердительные ответы. Нами были предприняты попытки введения некоторых принципов интеграции методологического знания [19, 23], понимаемого как система *инструментальных средств познавательной деятельности* социолога. Остановимся на одном из них, он связан с первым из поставленных выше вопросов.

Об одном основании классификации методов

Под *методами* социологического исследования, как известно, понимается совокупность способов, средств познавательной деятельности, направленных на описание, объяснение и прогнозирование изучаемых социальных феноменов, фрагментов социальной реальности в контекстах ее существования или конструирования. В рамках отдельного исследования – это логически взаимосвязанная совокупность средств, регулирующая процесс социального познания, определяющая архитектуру и выступающая составной частью его (исследования) методологии. В массовых опросах – это совокупность средств формирования необходимого инструментария, сбора, измерения, математического анализа и интерпретации данных.

В социологических исследованиях используется широкий диапазон методов, включая *методы* общенаучного, междисциплинарного характера и собственно социологические. В роли методов выступают и теоретические модели объяснения социальных

феноменов, и инструментальные средства их изучения. *Методы* различаются в зависимости от уровня их абстрактности, степени формализованности, роли и места в исследованиях. Например, для эмпирической социологии традиционно выделяют интервью, наблюдение и анализ документов как базовые социологические методы.

Универсальной *классификации методов* не существует в силу специфики социологического знания. Вместе с тем возможны классификации по разным основаниям. Например, в зависимости от этапов – концептуализация, сбор и анализ данных – эмпирического социологического исследования. Каждому этапу присущи свои методы. В качестве оснований классификации могут выступать, например, и характер объяснительных моделей, и источники языковых конструктов, и форматы существования социологических данных. Приближенной к универсальной можно считать такую классификацию, когда совокупность методов интерпретируется как целостность, система, структура которой определяется *источниками языковых конструктов* социологического исследования. В силу того что проблематика методов непосредственно связана с концептом «*язык социологического исследования*» (понятийный аппарат и логика его использования), это основание целесообразно для цели планирования исследования.

Структуру *языка* любого исследования можно связать с выделением горизонтального и вертикального строения понятийного аппарата, с соотношением концептуальных и операциональных переменных, где под переменной понимается любое средство, с помощью которого проводятся различия между объектами наблюдения. Возможно и основание, опирающееся на трактовку *языка* как системы вложенных и рядоположенных подсистем языковых конструктов. Источником отдельной подсистемы является вполне определенный класс методов. Такая эвристическая классификация, где отнесение отдельного метода к определенному классу (источнику) в ряде случаев неоднозначно, некоторые классы пересекаются, приводится ниже.

1. *Общенаучные методы познания.* К ним относятся метод гипотез, аксиоматический, сравнительно-исторический, идиографический, номотетический и т.д. Моделирование, эксперимент, аналогия, идеализация, индукция, дедукция, абдукция могут также служить примерами общенаучных методов познания.

2. *Теоретические модели, логические схемы концептуализации* социальных феноменов (метод Бэкона, метод Дюркгейма, метод Вебера, метод Бурдьё и т.д.). Употребление понятия «метод» весьма условно и служит для обозначения языковой и логической структур используемой в отдельных исследованиях теории. Этот класс в отличие от других составлен из сугубо социологических методов, *методологических инструментов* социолога. Метод идеальных типов Вебера, ставший общенаучным средством познания, можно отнести и этому классу. Уровень абстрактности методов данного класса ниже, чем первого. К этому классу можно отнести и теоретические модели объяснения социальных феноменов в специальных социологических теориях. Логическая схема Дюркгейма по выявлению причинно-следственных отношений в исследовании феномена «самоубийство» – также пример такой модели. «Содержательные» теории исчезают, а методологии остаются.

3. *Инструментальные подходы к изучению* социальных феноменов (например, опрос, наблюдение, анализ документов, качественный метод, биографический метод, методы экспертных оценок, социальных систем и социальных сетей, моделирование социальных процессов).

4. *Инструментальные подходы к процедуре сбора* эмпирических данных (например, анкетирование, интервью: стандартизованное, нарративное, глубинное, групповое фокусированное, метод мозгового штурма). По сути, речь идет о разновидностях методов предыдущего класса.

5. *Отдельные техники сбора данных*, включая приемы измерения (методы запечатанного буклета и парных сравнений,

проективные методы, шкала суммарных оценок, шкала Терстоуна и т.д.). К этому классу условно можно отнести и методы проверки качества инструментария исследования (методы когнитивного анализа).

6. *Особые виды анализа*, такие как типологический [24], причинный, факторный. Все они суть методологические средства и играют роль метаметодик – средств порождения методик анализа данных в отдельных исследованиях.

7. *Методы математической формализации*, включая методы математического моделирования, анализа данных (например, дескриптивная статистика, кластерный, дискриминантный, факторный, регрессионный анализ), проверки статистических гипотез. Среди этого класса – методы формирования выборочной совокупности.

8. *Методы анализа текстовой информации* (например, дискурс-анализ, контент-анализ качественный и количественный, конверсационный и транзакционный анализ).

Классы имеют сложную структуру и их составляют разноплановые методы. Тем самым в них могут быть выделены отдельные группы методов по различным основаниям. Например, для 8-го класса таким станет вид текстовой информации, используемой в социологических исследованиях; для 7-го – уровень измерения данных.

Каждая исследовательская ситуация диктует выбор совокупности методов. Например, в эмпирических исследованиях, опирающихся на массовый опрос, необходимы методы: когнитивного анализа вопросника, формирования выборочной совокупности, измерения, дескриптивной статистики, проверки статистических гипотез, многомерного математического анализа.

Разумеется, выбор методов исследования включает осмысление их адекватности, взаимообусловленности, согласованности с используемым теоретическим подходом, с концептуальной схемой. Возможны параллельная и последовательная стратегии использования различных методов на эмпирических этапах исследования.

Для получения более обоснованных результатов применима процедура методной триангуляции – использование нескольких методов для изучения одного и того же социального феномена.

Для наших целей – иллюстрации возможных и имеющих смысл взаимосвязей методов – полнота предложенной классификации не столь важна. Может показаться странным включение в этот перечень первых двух классов методов, однако они в определенной степени являются также инструментальными, ибо позволяют выстраивать когнитивную карту исследования, логическую схему анализа социальных феноменов.

Для целей интеграции знания необходимо изучение взаимосвязей методов как в вертикальном (между методами разных классов), так и горизонтальном (в рамках одного класса) срезах. Особый смысл имеет рефлексия о взаимообусловленности методов на трех уровнях (макро-, мезо- и микро-) рассмотрения. К *микроуровню* относим взаимосвязи внутри класса. На *макроуровне*, по видимому, должна анализироваться взаимообусловленность всех классов методов. Практически это возможно лишь для отдельных видов вертикальных связей. *Мезоуровень* – это также вертикальные связи, за исключением методов 2-го класса.

В заключение отметим, что интеграция знания, понимаемая одновременно и как инвентаризация, и как упорядочение, и как реинтерпретация базовых категорий, позволит улучшить условия «проживания» социологического сообщества. Соответственно, журнал «Социология: 4М», надеюсь, и дальше станет выступать проводником идей такого рода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслова О.М.* Методология и методы // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 70–83.
2. *Толстова Ю.Н.* Математические методы в социологии // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 83–103.
3. *Ядов В.А.* Размышления по случаю юбилея журнала // Социология: методология, методы, математические модели. 2005. № 20. С. 5–9.

4. *Александр Дж.* Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума // Социология: методология, методы, математические модели. 2004. № 18. С. 167–206.

5. *Александр Дж.* Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума // Социология: методология, методы, математические модели. 2004. № 19. С. 176–200.

6. Отклики о работе конгресса // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2009. № 28. С. 169–184.

7. Дискуссия о социологии [on-line]. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=311.

8. *Девятко И.Ф.* Состояние и перспективы социологической теории в мире и в России // Социол. исслед. 2007. № 9. С. 35–37.

9. *Резник Ю.М.* Социальная теория и теоретическая социология на пути интеграции // Социол. исслед. 2007. № 9.

10. *Розов Н.С.* Возможна ли «наука быстрых открытий» в социальном познании [on-line]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=948.

11. *Тоценко Ж.Т.* Парадигмы, структура и уровни социологического знания // Социология власти. 2009. № 15. С. 7–25.

12. *Кравченко С.А.* Социология модерна и пост модерна в динамически меняющемся мире. М.: «МГИМО-Университет», 2007. С. 8–25.

13. *Тихонов А.В.* Российское общество как новая социальная реальность и метапроект отечественной социологии // Социол. исслед. 2009. № 12. С. 16–25.

14. *Тихонов А.В.* Отечественная социология: проблема выхода из состояния преднауки и поиска новых стратегий // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 203–229

15. *Радаев В.В.* Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социол. исслед. 2008. №7. С. 24–33.

16. Проблемы российской социологии: Форум [on-line]. URL: <http://www.isras.ru/actual.html>.

17. *Подвойский Д.Г.* Социология в современной России – наука «без лица»? // Социол. исслед. 2008. № 7. С. 47–53.

18. *Ядов В.А.* Еще одна реплика в narrative о нашей социологии [on-line]. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=311.

19. *Татарова Г.Г.* Методология эмпирической социологии: амбивалентность факторов развития // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2008. № 27. С. 3–29.

20. *Штомпка П.* Социология: Анализ современного общества / Пер. с польск. С.М. Червонной. М., 2005. С. 472–492.

21. *Энтитейн М.* Информационный взрыв и травма постмодерна // Информационное общество: экономика, власть, культура: хрестоматия. Новосибирск, 2004. С. 183–196. Т. 2.

22. *Розов Н.С.* Главный дефицит – конструктивные теории как основа для программ сбора и обработки социологических исторических данных [on-line]. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=407.

23. *Татарова Г.Г.* Интеграция методологического знания: миф или реальность? // Доклады Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России». Москва 3–5 октября 2006 года. М.: Альфа-М, 2007. С. 80–98.

24. *Татарова Г.Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Высшее образование и наука, 2007.